

Знаменитый режиссер, новый президент киноакадемии "Ника" Андрей Кончаловский в интервью корреспонденту РБК Александре Федотовой рассказал, почему в России, как в Африке, нет общества, а также о свободе, интеллигенции, сочувствии к оппозиции и новых зрителях, выросших на голливудских ситкомах. Главный европеец отечественного кино уверен, что мы закрыли петровское окно и до сих пор живем в Московском княжестве с ордынскими комплексами.

- Андрей Сергеевич, во-первых, хочется поздравить Вас с назначением на пост президента "Ники". Эта премия - конкурент "Золотого орла", который возглавляет ваш брат. Как собираетесь с ним взаимодействовать и что планируете делать с премией?

- Меня попросили возглавить академию, которая имеет почти 30-летнюю биографию. Это первая российская академия. И для меня это организация не чужая: я получил "Нику" за "Асю Клячину" в 1989г., когда фильм еще был запрещен. Организовывать там нечего, надо попытаться сделать так, чтобы "Ника" не потеряла своей жизнеспособности и авторитета.

- На прошедшей недавно церемонии вручения не обошлось без скандала: лучший сценарист 2012г. Юрий Арабов раскритиковал ситуацию, сложившуюся в российском кино. Вы согласны с его высказываниями?

- Да, я согласен со всеми высказываниями. Каждый говорит со своей точки зрения. Я, собственно, не понял, почему речь Ю.Араובה вызвала такой резонанс: ничего особенного он не сказал. Я сидел, слушал внимательно и не понимал, чего это Юлий Гусман говорит что-то. По-моему, нормальная речь о том, что дела в кино обстоят плохо. Что, мы этого не знаем? Мы это знаем, конечно.

- В частности, Ю.Арабов сказал, что ситуацию спасет лишь вмешательство частого бизнеса, иначе вскоре "Нику" будут вручать за ситкомы. Все настолько плачевно с нашим кино?

- Это не с кино плачевно, а с мировой культурой. Дело же не в нашем кино, дело в том, куда движется мировая поп-культура, массмедиа, какой зритель воспитывается. Я думаю, что Александру Исаевичу Солженицыну очень повезло, что он родился в те времена, когда в Советском Союзе нельзя было печатать то, что он писал, и что были очень читающие люди. Сегодня книжки А.Солженицына лежат везде, но кто их читает? Поэтому речь идет не о том, какой писатель, а о том, какой читатель, какой зритель. Сегодня зритель воспитан на ситкомах и американском коммерческом кинематографе, ему малоинтересно смотреть серьезное кино, так же как малоинтересно читать Пруста. Зрителя нужно воспитывать, а чтобы его воспитывать, должна быть политическая воля. Когда будет политическая воля, будут и деньги - у нас в России очень много денег, и государственных, и негосударственных. Поэтому я не думаю, что кино будет спасено за счет частных инвесторов, в этом я не согласен с Юрием Арабовым. От частного

инвестора можно получить деньги, чтобы снять кино. Но ведь нужны деньги не для того, чтобы снять фильм, а для того, чтобы зритель пошел в зал смотреть: нужна реклама, нужен экономический потенциал, чтобы противостоять огромному давлению Голливуда: тысячи обстоятельств, которые не имеют отношения к производству.

Голливуд практически владеет российским кинопрокатом. У каждой прокатной компании контракт либо с Fox, либо с Warner Bros., либо с Sony Pictures, все они уже на крючке. Голливуд дает картины практически бесплатно, копии бесплатно, реклама великолепная бесплатно. Зритель смотрит телевидение, а там говорят, например, что "Трон" собрал в США 380 млн руб. за одно воскресенье. Зритель настроен смотреть американское кино. Проблема гораздо более серьезная, чем производство фильмов. Чтобы серьезный классический фильм себя отбил, нужно много денег на его продвижение. А зрителя нет. Будет зритель - будет кино.

- В конце "нулевых" умами россиян владел гламур, Вы даже сняли про это фильм "Глянец". А что сейчас является сверхидеей нашего общества?

- Я не знаю. Не выпускать малолетних дочерей на улицу. Мне трудно сказать. Когда Вы говорите общество, кого имеете в виду?

- Людей, живущих в нашей стране...

- Люди не составляют общество.

Общество составляют граждане, а граждан у нас очень мало. Так как граждан мало, будем считать, что общества нет - есть население и власть. Как в Африке. Население само по себе живет, власть сама по себе.

Поскольку ни население, ни власть не заинтересованы во взаимодействии, власть делает то, что считает целесообразным. Поэтому говорить об обществе бессмысленно.

Люди, которые являются гражданами и как-то выражают свое мнение, составляют ничтожную часть российского государства, и их можно не принимать во внимание.

- Почему так получилось?

- Так было всегда - и до революции, и после революции, и сейчас. Я написал большую статью о том, что есть малый народ и большой народ, европейский народ и гигантский российский народ. Гигантский российский народ никогда не имел гражданского сознания. Диагноз поставить очень важно, но мой диагноз не соответствует диагнозу населения моей страны.

Все мои идеи воспринимаются чрезвычайно критически нормальными российскими людьми. И это нормально. Если бы 30% населения страны воспринимало мои мысли как должное, это была бы другая страна.

Надо думать, как страна будет развиваться и какие задачи будут стоять перед следующим правительством, поскольку это правительство и эта власть не в состоянии решить эти проблемы.

- Вы ставите диагноз, согласно которому мы сейчас - в Киевской Руси, в Средневековье...

- Не в Киевской - в Московской. Киевская Русь не коллаборировала с Батыем, она была разрушена татарами при помощи Московского княжества. А в Московском княжестве были абсолютные коллаборационисты во власти, и они индоктринировали

ордынский синдром в русское сознание.

Чернышевский замечательно написал, что в каждом из нас немного сидит Батый. Есть большой Батый в Кремле, под ним - еще десяток, тысячи, потом сотни тысяч Батыев, а потом - самые маленькие, но они - начальник паспортного отдела, лифтер - это тоже Батыи.

- И как изжить Батыев?

- Читайте Чехова...

- В своей статье Вы отметили, что Петр Первый сделал рывок, сокративший отставание России от Европы. Есть ли сейчас личности, подобные Петру, которые могли бы помочь преодолеть наше отставание?

- Нет. Если бы были... Петр получил власть по наследству и был глубоко травмирован властью имущими, Петру претило всевластие РПЦ, связка между Церковью и боярами. Он разрушил не только эту связку, но и предал свой класс. Петр - предатель своего класса, политический.

У нас должен появиться президент, диктатор, который будет предателем своего класса, а такого нет пока.

- Этот человек может выйти из сегодняшней оппозиции?

- Дело не в оппозиции. Это может быть любой человек, который получит власть и поймет, что необходимо делать. Не обязательно быть в оппозиции сегодня, чтобы стать Петром.

Очень часто человек, который хочет реформ, становится охранителем, как только приходит во власть.

Он хочет разрушать до тех пор, пока не достиг власти, а дальше он хочет сохранить. А речь идет о том, чтобы получить власть, чтобы разрушить создавшуюся порочную связь круговой поруки социальных институтов.

Историческая необходимость должна оказаться такой, чтобы им смог стать любой из сегодняшних руководителей, даже Владимир Владимирович Путин. Но исторической необходимости пока нет, потому что нет общественного мнения, мы еще не коснулись дна.

Нужно, чтобы птичий грипп случился, или все население на иглу село, или что-то еще, а сейчас пока рано.

- То есть все идет так, как должно?

- Конечно, все действительно разумно.

- А как Вы относитесь к людям, которые выходят на Болотную площадь?

- Я отношусь к ним с огромным уважением и сочувствием. С сочувствием - потому что они очень часто думают, что если взять Кремль, то все пойдет так, как следует. Это величайшее заблуждение, потому что грязный подъезд от Кремля не зависит, как не зависит и мусор, который летит в окна.

- Сейчас в Кирове слушается дело Алексея Навального. Вы следите за происходящим?

- Да. Поскольку у нас не существует гражданского общества, поскольку не существует общественного мнения, поскольку у большинства граждан не существует никакого желания как-то влиять на действия власти, власть делает, то что хочет, в том числе применяет юриспруденцию в нужных пропорциях в нужном направлении.

Французский социолог Алексис де Токвиль в середине XIX века, изучая американскую ментальность, определил ее словом "нравы". Он писал: "Благодаря своим нравам, народ может извлечь пользу даже из самых неблагоприятных климатических условий и самых скверных законов. Никакую конституцию не обеспечишь, если нравы населения этому сопротивляются".

У нас Конституция есть, законы есть, суды есть, но все это для того, чтобы легитимизировать решения власти. Точно так же как Госдума существует, чтобы легитимизировать законами решения власти.

Как сказал один африканский социолог, у нас в Африке hardware демократический, а software авторитарный. Это очень подходит к российской формуле.

- Вы как-то говорили, что Россия еще не доросла до демократии. Изменилось что-нибудь в этом направлении?

- Конечно, нет! Наоборот. Демократия в какой-то степени была при советской власти в последнее время и в самом начале. Демократия была в политбюро, когда Брежнев ругался с Козловым: ты старый, тебе на пенсию пора. Это была почти демократия. При молодом Сталине была демократия, пока он не набрал власти, в партии была оппозиция, но Сталин с этим делом покончил. При культе Сталине демократии не было, все боялись.

Сейчас у нас есть видимость демократии. Но, понимаете, культура определяет сознание, культура определяет судьбы народа.

Культура народа сегодня успешно освободилась от европейских традиций, которые были насильно навязаны ей Петром, и от той части европейского русского, что было воспитано за 300 лет. Поэтому сегодня царствуют Московия, ордынский синдром и видимость демократии.

Безусловно, свобода слова сегодня есть, а при советской власти ее не было. Но за нее сегодня убивают где-нибудь на "Кропоткинской".

- А как воспитать эту культуру? Вот, например, Минобразования составило список из 100 обязательных фильмов для школьников...

- Дело не в фильмах. Культура - это же не знание произведений искусства. Культура - это знание своих обязанностей. А обязанности должно индоктринировать государство. Вот есть строгий учитель, есть бездарный учитель, есть неграмотный, есть добрый. Какой самый важный? Строгий! Потому что добрый учитель ничему не научит, дети будут бегать и фантиками бросаться, бездарный учитель заставит ненавидеть предмет, поэтому должен быть строгий талантливый учитель. Это власть.

- В своей статье Вы ставите еще один диагноз - общество становится все более клерикальным.

- Не общество, его нет. Народ как был языческим, так во многом им и остается, а государство и народ не соединяются, как в Африке. Народу не важны цели государства. Он хочет, чтобы ему платили пенсию, на дорогах не было больших ям и чтобы лифты

ходили. Народу неинтересно, что делают губернаторы.

Люди заранее знают, что начальник по своему призванию - вор, но он по этому поводу ничего не делает.

На мой взгляд, российская Церковь находится в удручающем состоянии. И не потому, что там какие-то плохие люди с бородами, а потому что, во-первых, я согласен с Антоном Павловичем, русский человек о религии не знает ничего либо знает очень мало, и потом религия - это не ритуал, это ощущение своих обязанностей - сначала перед собой, перед семьей, а потом перед Богом. Если не будет ответственности перед семьей, неважно, как он относится к Богу, 1,5 тыс. малолетних детей в год будут изнасилованы и убиты, как у нас сейчас происходит.

Вероятность того, что люди пойдут в церковь подумать о своем внутреннем, этическом комплексе очень низкая. Это можно смотреть по статистике педофилии, алкоголизма, наркомании, бытовых убийств и т.д.

Власть пытается при помощи РПЦ вернуть обратно морально-этические ценности XIX века. Это очень сложно сделать. Если бы призыв "Будь хорошим!" был услышан, то весь мир жил бы в раю.

Как сказал один философ, знать истину и жить по истине - это две разные вещи.

Поэтому это сложный вопрос, и это вопрос индоктринизации - это значит насильственное, подчеркиваю - насильственное, внутреннее ощущение обязанностей человека перед собой, перед государством. Это обязанности, а не права. Права появляются, когда человек знает свои права, а когда он свои обязанности не знает, тогда он раб. Его заставляют что-то делать.

- В своей статье Вы написали про рабство и свободу. А что такое свобода для Вас?

- Вставать утром, когда хочется, а не тогда, когда необходимо.

- А если говорить в контексте Ваших слов про то, что человек должен осознавать свои права...

- Я шучу. Это вопрос, на который бессмысленно отвечать, я же не гуру. Что же я буду говорить: "Свобода - это осознанная необходимость"? Это глупо, это неправильно.

Потому что свобода - не самое главное в жизни. Это абсолютно ложная идея, что свобода - главное в жизни. У китайцев вообще нет понятия свободы. По-моему, понятие свободы возникло в христианстве, когда возник постулат "Истина сделает вас свободным". А потом возникло то, что называется антропоцентризмом, когда мужчина стал в центре вселенной, а христианские соборы в VI или VII веке обсуждали, есть ли душа у женщины.

Антропоцентризм сам по себе - колоссальная иллюзия. Человек отличается от муравья только тем, что может больше вреда нанести природе.

До тех пор пока человек не поймет, что он часть экосистемы, как говорил Вернадский, ноосферы, и будет думать, что он царь природы, ничего хорошего из этого не выйдет.

"Свобода" - слово довольно обманчивое. В принципе, она не дает человеку ничего хорошего. Животные все свободны, у них есть одна несвобода - инстинкт.

- А может, нашему обществу тогда не нужна свобода: установить диктатуру, устроить репрессии?

- Репрессии и так есть. Государство - это репрессивный аппарат. Кто-то замечательно

сказал, что государство не для того, чтобы создать рай на земле, государство для того, чтобы избежать на земле ада. Если не будет государства, будет ад, на улицах будут насиловать женщин даже не маньяки, а просто пьяные мужчины. В Средние века во Флоренции женщины проголосовали за то, чтобы были открыты публичные дома. Потому что как только были открыты публичные дома, прекратились изнасилования на улицах. До этого они просто не могли выходить из дома. Естественно, Средние века есть Средние века.

Все на свете относительно, в том числе и свобода. Свобода не создавала никаких великих благ. Величайшие произведения искусства возникли во время дикой цензуры и инквизиции. Микеланджело мог писать только на религиозные мотивы, а шедевры были. Поэтому у меня нет ответа, а вопросов масса.

- А какие у Вас сейчас главные вопросы?

- В каждом возрасте свои вопросы. У меня главный вопрос сейчас - чтобы сохранялись желания. Чем больше желаний - тем человек живет.

- Вы следите за творчеством молодых режиссеров?

- Я иногда смотрю какие-то картины, которые нравятся, есть талантливые люди. Но так, чтобы следить, - у меня нет на это времени. Кто-то спросил итальянского режиссера Дино Ризи: "Что Вы делаете для молодых?" Он на это ответил: "Я для них старею". Я как раз этим занимаюсь.

- А какие интересные картины Вы видели в последнее время?

- Я думаю, Гай Германика очень интересна. Есть талантливые режиссеры, который "Кочегара" снял, как его...

- Балабанов?

- Балабанов, замечательный.

Вообще режиссура у нас талантливая. Только, к сожалению, русский народ, который заслуживает это видеть, перешел на другой подножный корм.

- Вы имеете в виду Голливуд?

- Да.

- Когда я была маленькая, я спросила у мамы, кто такой интеллигентный человек. Она ответила, что зачастую это человек сомневающийся. А если Ваш ребенок подойдет и спросит...

- Ребенок не спросит... Надо посмотреть на гносеологию слова "интеллигенция". Интеллигенция же возникла только в России - нигде в мире нет такого понятия. Есть интеллектуалы, есть интеллектуальная элита и есть неинтеллектуальная элита. Интеллектуальная элита - это те люди, которые задумываются над какими-то вопросами, на которые у других людей нет времени. Интеллигенция возникла в России как прослойка мыслящих людей, понимающих, что рабовладение, что крепостная Россия - это величайший грех власти. Вина, которую испытывает интеллигенция перед так называемым народом — крепостными - и породила эту интеллигенцию, которая всегда должна быть в оппозиции власти.

Интеллигенция в России - это те, кто думает, что знает, как изменить жизнь в стране. Они должны были бы иметь какое-то место во власти, но почему-то им всегда этих мест не хватает. Когда человек попадает во власть, он перестает быть интеллигентом. Недаром Антон Павлович Чехов сказал горькие слова: "Презираю русскую интеллигенцию, презираю ее даже тогда, когда она жалуется, что ее притесняют, потому что ее притеснители выходят из ее же рядов". Поэтому я не знаю, что такое интеллигенция, я знаю, кто такой интеллигентный человек - это человек, который осознал свои обязанности больше, чем свои права. Он необязательно дворянин, может быть и мещанином, может быть и разночинцем, может выйти вообще из самых низов, как Антон Павлович Чехов - из крепостных в третьем поколении, человек, которого пороли, - глубоко интеллигентный человек, европеец. Стать европейцем значит осознать свои права, но прежде осознать свои обязанности.

- Это путь к счастью для России - европейские ценности?

- Я не знаю, что такое путь к счастью. Я думаю, что счастье - это дышать, слышать, видеть, быть живым и когда не болит один орган. Когда болят разные - это ничего, а когда один все время болит - это опасно.

Для каждого человека понятие счастья индивидуально: миллиардер мог застрелиться из-за того, что у него осталось всего 100 млн.

Ничто на свете не имеет другого смысла, кроме того смысла, который мы вкладываем в то или иное. Я лично пытаюсь руководствоваться этим принципом.

Источник: www.vinnitsa.info

10 мая 2013 г.